

Бумажный ангел

Я таскаю с собою повсюду бумажного ангела,
Лишь вчера он из осени — словно с картины слетел.
Обожает Шопена, воинственным брезгует Вагнером.
Как живется, бумажному, в нашей никчемной среде?

Я беседую с ним о его несуразных пророчествах,
Над его обещаньями добрыми долго смеюсь.
Неужели мастак поболтать, как и всякие-прочие?
Разгадал говорливо-отшельничью душу мою?

Поутру разбудил ты меня шелестящей мелодией,
За окошком посеял, так рано, ноябрьский снег.
Из него вырастает зима, что походкой молоденькой
Осторожно ступив, переходит на стайерский бег.

Как задует из щели — ты машешь отчаянно крыльями.
Бесполезно! Хозяин твой знает, пытался давно.
Это серые будни с потерями будто накрыли нас,
Мы застряли с тобою меж этих высоких домов.

* * *

За окном каждый домик скрипел — словно пел (вы не слышали?),
И попыхивал в небо из труб камельковым дымком.
Белый снег воскурился над красными острыми крышами,
Ну, а нам не взлететь, да и вспомнить, дружище, о ком?

Овладел я английским, по-ангельски мне научиться бы,
А твои письма иллюзорно-узорны в ночи,
Белым пишешь стихом по окну, как по ткани по ситцевой.
Не молчи, умоляю, Бумажный, хоть ты не молчи!

Золотой Париж серебряного века

Я рад, что ты мои читаешь мысли,
Что осквернять не нужно мой язык,
Что я давно тобой из сердца выслан
И обречен быть в касте горемык.

Я знаю о твоих парижских шашнях,
Вас видели в задрипанном фойе.
С кем любовалась Эйфелевой башней —
Той ржавой современницей твоей?

Не питерский понятен твой румянец —
Как солнце африканское разлит.
Виною тому — художник-итальянец!
Спиртным все так же от него разит?

Порядочность теперь уже не в моде,
Художества твои гнусней его.
Тебе важнее монпарнасский Моды,
Чем ночи наши белые с Невой.

* * *

Париж, туберкулезный Амедео
Гуляет вместе с «русскою сапфо».
Ах, быстро как проносятся недели,
А впереди не светит ничего!

Как ничего? А быстрые рисунки —
Шестнадцать ню из обнаженных Анн.
Серебряного века меркнут сутки,
Хотя Париж еще золототкан.

Что ждет их за печальными устами?
Посмертный и прижизненный почет,
И судьбы с разведенными мостами,
Над жизненной рекой, что утечет.

Шагал привез в Париж волшебный Витебск
И доживал свой долгий век Роден.
В Гранд-Опера пойдите, вдохновитесь
«Шехерезадой» Иды Рубинштейн.

Полоскание

* * *

У нее в субботу много стирки,
И белье свое, схватив за шкирку,
Изогнув натруженные плечи,
Баба прополаскивала в речке.

Простыни, подштанники, рубашки,
Облака — как белые барашки,
Полоскалось все в водовороте —
Так уж повелось у них народе.

Все потом пристегивала к дому,
Да к веревкам грубою ладонью.
Все, что постирала — эка небьель:
Баба прополаскивала в небе.

И качало на ветру станицу,
Возбужденно голосили птицы.
Пугало — и то, взмахнув руками,
Полоскало выцветшие ткани.

...
Баба прополаскивала... небо,
Очищала грязную планету
От беды, послевоенной гари,
И судьбу свою, что искромсали.

Чистыми пеленками простыми
Отскребала этот воздух дымный.
Утверждала мирные начала,
Тихо причитала и... прощала.

Жребий

Ты жребий свой тянула молча —
На тонких веточках судьбы
Манили спелые плоды,
Во взгляде было что-то волчье.
Предощущение беды?

Похрустывал, звенел стеклянно,
В твоих руках, на ощупь — мил,
В зародыше — твой бранный мир,
Он пел и звал — куда ни глянешь
И неизвестностью томил.

Запретный плод срывала Ева:
«Надеюсь — буду спасена!»
Не знала на исходе сна,
Что — в ранге Белой Королевы,
Что жребием была сама.

Годы шли, она, уже старушка —
Продолжает те же постирушки,
Чтобы чище был над нею воздух:
Вот бы к сроку все закончить, вот бы...

Сущность твоя словно росчерк пера
Сущность твоя — словно росчерк пера:
Легкий нажим, повороты, изгибы...
Я для тебя только опыт, игра.
И понимаю — насколько погиб я.

Неуловима твоя суета —
Ловко жонглируешь светом и тенью,
Так же, как мной, и всегда занята —
Зрителя снова оставить в смятении.

Будто размазанный быстрый эскиз,
Смутны, туманны твои очертанья.
Я ж замираю от горькой тоски:
Что предложить неразборчивой даме?

Непостижим твой полет и душа,
Ты — лишь задумка художника, где-то
Пляшешь на кончике карандаша,
Сводишь с ума молодого поэта.

23 января 2015

На картину Василия Ленивкина